

Смерть на брудершафт

Борис Акунин

Летающий слон

«Abecca Global Inc»

2008

Акунин Б.

Летающий слон / Б. Акунин — «Abessa Global Inc»,
2008 — (Смерть на брудершафт)

«Смерть на брудершафт» – название цикла из 10 повестей в экспериментальном жанре «роман-кино», призванном совместить литературный текст с визуальностью кинематографа. «Летающий слон» – это повесть о шпионских авантюрах 1915 года, перевернувших историю русской авиации.

Содержание

Весна 1915 года. На восточном фронте затишье	6
Майне херрен, пожалте бриться!	8
Не в кустах, а в волнах. Не волки, а дельфины	11
Схватка в воздухе	13
Русский богатырь	19
В ставке кайзера	21
Капитану фон Теофельсу снился сон...	26
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Летающий слон Третья фильма

Весна 1915 года. На восточном фронте затишье

Если смотреть на небо не снизу, а сверху, оно напоминает тазик для бритья, в котором хорошенько распушили мыльную пену.

Это сравнение приходило в голову военлету Сомову всякий раз, когда он вел аппарат над слоем сплошных облаков. Неромантическая вроде метафора, а поручику нравилась.

Легкая продолговатая тень «ньюпора-10» скользила над намыленной щекой планеты, словно занесенная бритва, и самого себя Сомов в такие минуты воображал острейшим золингенским лезвием, которое одним точно рассчитанным движением – вжик! – срежет всё лишнее и опять взлетит вверх.

Наблюдатель прапорщик Дубцев, сидевший позади пилота, был человек несерьезный. В небе он обычно пел – все равно встречный поток воздуха уносил звуки прочь, так что можно было орать во всю глотку. Если не пел, то грыз шоколад или сосал леденцы. Дубцев обожал сладости и для всего, что ему нравилось – хороших людей, красивых женщин, быстрых лошадей, приятных событий, – мысленно подбирал сладкие эпитеты. Например, облака казались ему никаким не мылом, а взбитыми сливками или сахарной ватой.

На Высокое Небо, непроницаемо синевшее у них над головами, летуны не смотрели, ибо выше потолка, как известно, не прыгнешь, а стало быть, черт с ним. Вот когда аэропланы научатся подниматься километров на пять, на десять, тогда и поглядим, что там, за синевой.

Летнаб крикнул в разговорную кишку, раструб которой торчал возле уха командира:

– Скорость сто десять, полет по прямой сорок минут! Не пора?

– Что? – повернул голову поручик. Его, сидящего впереди, было хорошо слышно и без кишки – хоть шепотом говори.

– Фронт пролетели! Не пора?

– Я знаю, когда пора, – буркнул пилот. Он привык доверяться чутью, оно же пока помалкивало, взрезать пену не побуждало.

Летнаб пожал плечами, заголосил арию из оперетки. Командиру видней.

«Ньюпор» был на *вольной охоте*, то есть не имел от начальства никакого определенного поручения. Заправился топливом, загрузился бомбами и полетел в сторону фронта почти что наугад, словно пташка из песни – та самая, что не знает ни заботы, ни труда. Поручик Сомов в авиаотряде числился ветераном, а у ветеранов свои привилегии. Сделал дело – летай смело. Утром, если позволяла погода, экипажи выполняли обязательное задание, обыкновенно по рекогносцировке, аэрофотосъемке или корректировке артиллерийского огня. А после обеда авторитетному военлету можно было и поохотиться. Певучий прапорщик Дубцев готов был порхать по небу с утра до вечера, неважно где и зачем. Он был настоящее дитя эфира, человек-птица. Командир же отправлялся на эти рискованные прогулки от обиды. Очень уж переживал, что наша авиация с каждым днем все безвозвратней *теряет небо*.

К большой войне Россия готовилась долго. Пушек, снарядов, винтовок и пулеметов, как теперь выяснялось, в достаточном количестве запасти не успела, но зато в новом виде вооружения, небесном, обогнала все прочие державы. К 1 августа 1914 года русская армия имела 244 аэроплана – чуть больше, чем Германия, и намного больше, чем Франция. Про Англию с ее пятьюдесятью самолетами или Австрию с тридцатью и говорить смешно. В первые недели великого противостояния небо на Восточном фронте было русским.

Однако тевтоны быстро сообразили, какую важность в современной войне имеет «воздушная кавалерия». Их мощная промышленность с поразительной быстротой наладила производство машин. Открылись новые авиашколы, обеспечившие приток пилотов, летнабов и механиков. А у нас-то собственного производства самолетов почти нет, моторы привозные, новых

военлетов выпускают в час по чайной ложке. За два месяца потеряли половину аэропланов и четверть людей, причем самых лучших, и всё от нерасчетливой русской удачи. Первейший летун, великий Александр Васильев, был сбит на десятый день войны, потому что бравировал, слишком низко паря над австрийскими линиями. Знаменитый штабс-капитан Нестеров совершил непростительную глупость – протаранил своим самолетом вражеский и погиб. Геройство, конечно, но ведь Нестеров один стоил десяти!

В общем, по истечении первого полугодия боевых действий у германцев воздушный флот вырос вдвое, а у нас аэропланов и летчиков стало меньше, чем вначале.

При этом армейское начальство на собственном горьком опыте убедилось в стратегическом значении фанерно-полотняных «этажерок», которые еще год назад почитало бессмысленными игрушками. Во время злополучного наступления в Восточной Пруссии летчики обнаружили огромные немецкие силы, заходящие во фланг корпусу Самсонова. Немедленно доложили в штаб, а там отмахнулись – не поверили заоблачным фантазерам. Вот и получили...

Теперь каждый дивизионный начальник требует, чтоб его участок фронта непременно обслуживала авиация, да только где взять столько машин и людей? Немецкие «альбатросы», «таубе» и «эльфауге» с утра до вечера кружат над окопами, направляя огонь артиллерии и пугая наших солдатиков бомбардированием, а наших «нюпоров» с «фарманами» почти не видно.

Вот Сомов и поднимался дважды в день – не из лихачества или дурной жажды приключений, а чтобы *обозначить воздушное присутствие*: морально поддержать свою пехоту и поугубить германскую. Если б не приходилось беречь мотор, чахлый 70-сильный «Гном», поручик летал бы и по три раза.

В носу у военлета щекотнуло, по коже пробежали азартные мурашки. Это сработало летунское чутье.

Внизу пузырилась все та же непроницаемая пена, однако Сомов привык доверяться своему нюху.

Подняв колено, он взглянул на прикрепленный к щиколотке высотомер. Тысяча семьсот. «Рему» 5–6 метров в секунду.

То ли «рему», боковой ветер, то ли древний инстинкт охотника разом выдули из головы летуна все стратегические мысли и патриотические переживания, остался один нетерпеливый трепет.

– Костя, спуск! – сказал командир через плечо и взял руль глубины на себя, чтобы заострить поворот.

Мягкими нажимами на педаль гоширования парировал напор ветра. С крутым креном пошел вниз.

Легкомысленный летнаб ухнул от удовольствия – он обожал это ощущение, будто несешься с горы на санках.

Крыло «нюпора» блеснуло на солнце, действительно похожее на лезвие бритвы.

Майне херрен, пожалуйста бриться!

Все двадцать секунд, пока аэроплан ввинчивался по спирали в слепой туман облаков, поручик Сомов ужасно боялся разочароваться в своем нюхе, который еще ни разу его не подводил. Что если внизу какая-нибудь ерунда вроде лесной чащи или пустого поля?

Но чутье, без которого вольному охотнику грош цена, не подвело.

Земля, представшая взгляду военлета с высоты в тысячу метров, была соблазнительна, как очумевшая от весны девка: ярко-зеленый сарафан лугов с синим горошком луж, серебряный пояс реки, желтые ленточки перекрещивающихся дорог. По одной из них ползла длинная серо-бурая змея. Это полковая колонна двигалась по направлению к мосту.

На коленях у Сомова лежал открытый планшет с «зеленкой», десятиверстной картой.

Палец летуна безошибочно ткнул в мост через реку Дунаец. Вот что разбомбить бы! Но пятифунтовые бомбочки Орановского и трехфунтовые «груши» Гельгара, которыми был снаряжен легкий «нюпор», для железного моста, увы, опасности не представляли.

Зато безмятежно марширующим гансам бриться было не избежать.

Выключив мотор, поручик перешел в планирование.

Пылившая по дороге пехота стремительно приближалась. Теперь она напоминала связку кровавых колбасок: меж плотно сбитыми ротными колоннами – тонкие жилки хозяйственных повозок.

У летнаба Дубцева, впрочем, возникла иная ассоциация.

– Как ириски на ниточке! – возбужденно крикнул он. – Ух вы, мои сладенькие! Миша, марципан ты мой! Заходи с хвоста!

Поручик и сам знал, откуда лучше заходить на бомбометание.

С земли русский аэроплан пока не заметили. Он выровнялся точно по линии шоссе и стал быстро нагонять германский полк.

– Чуток полевей! – попросил наблюдатель, он же бомбардир. – Ветер!

Пилот кивнул. Взял поправку – на глазок.

– Давай, чего тянешь?

Прапорщик запел:

– «Увы, сомненья нет, влюблен я! Влюблен, как мальчик, полон страсти юной!»

И дернул шнур правого бомбосброса.

Снаружи к борту кабины был прикреплен ящик, где в 36 ячейках, шесть на шесть, лежали грушеобразные гранаты: чека каждой привязана к крышке. Раскрылось дно, и гранаты под собственной тяжестью соскочили с колец, посыпались вниз. Дубцев перегнулся проверить. Увидел, что одна не сорвалась. Выдернул ее вручную и швырнул попросту, словно камень.

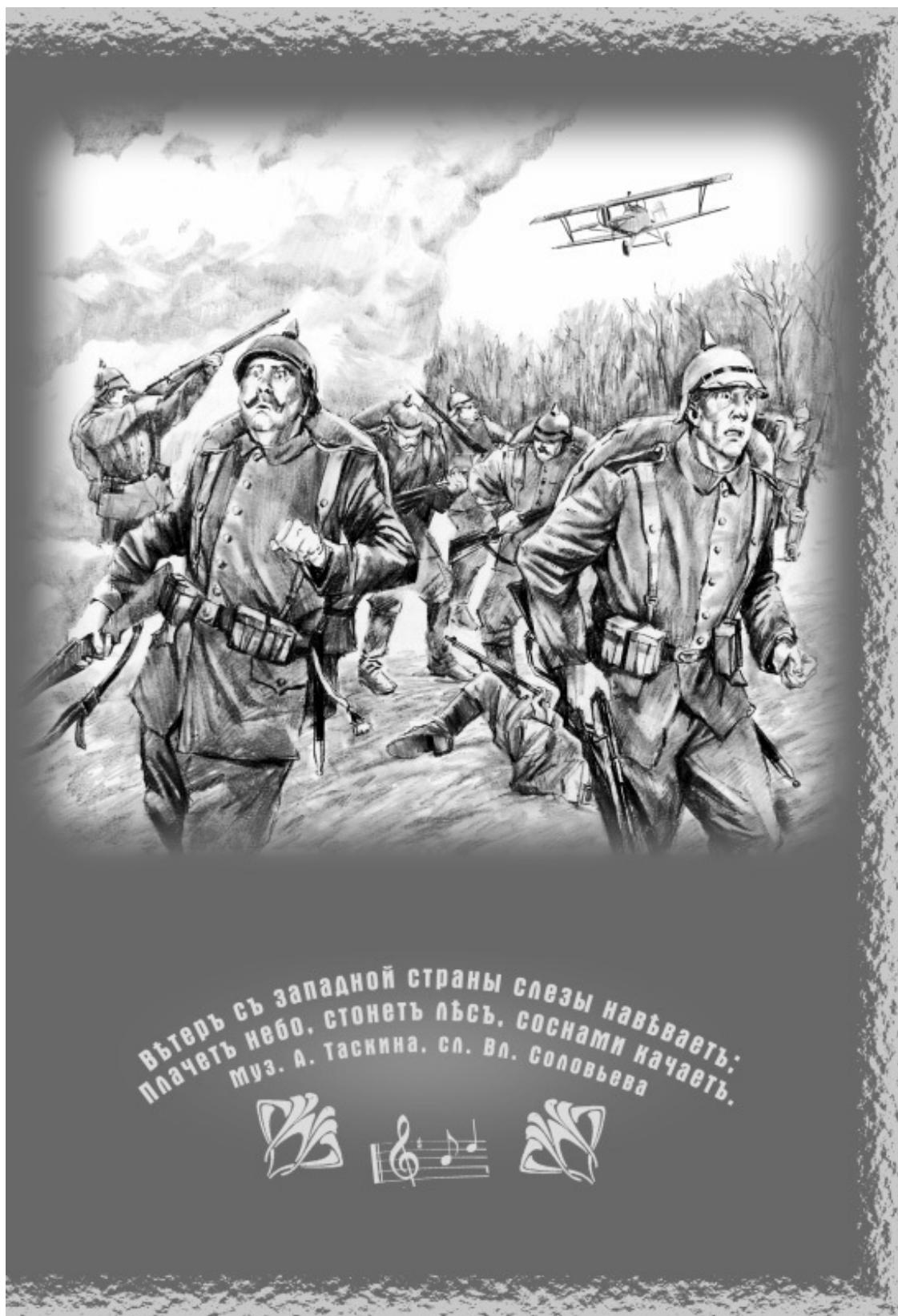
– Миша, наклони!

Пилот положил «нюпор» на крыло, чтоб удобней было смотреть, как лягут бомбы.

Оба летчика жадно провожали взглядом рой черных точек.

Гранаты упали не блестяще – метров на двадцать, а то и тридцать правее шоссе. Может, кого и задела осколками, но маловероятно. Только последняя, брошенная Сомовым, угодила почти под самые колеса ротной кухни. Лошади встали на дыбы, котел перевернулся. Даже сверху было видно, как взметнулось облако пара.

– Плакал у гансов ужин! – хохотал прапорщик. – Миша, сахарный мой, теперь давай их в гриву! Только, пожалуйста, ниже, ниже!

Аэроплан грациозно описал полукруг над полем и снова повел атаку на полк, теперь уже не с тыла, а в лоб.

Сомов снизился до пятисот, хоть это было очень опасно. Пехотинцы залегли в кюветы по обе стороны от дороги. Многие, охваченные паникой, беспорядочно метались по полю. Но те, что не потеряли головы, стреляли по самолету из винтовок. Несколько офицеров, считая ниже

своего достоинства прятаться от какой-то стрекозы, остались стоять, ведя огонь из пистолетов, что с такого расстояния было совершенно бессмысленно.

Вот винтовки – дело иное. В обшивке появились дырки: одна, вторая, третья. Но отчаянный прапорщик не торопился опорожнить второй ящик, он желал отбомбиться наверняка.

Наконец, дернул левый шнур.

– Всё, Миша! Можно!

Включив мотор, пилот потянул руль. «Ньюпор» взмыл кверху.

Но улетать не спешил. Как же было не посмотреть на результат?

Двигаясь по широкому эллипсу, аэроплан медленно набирал высоту.

Двадцать пять 5-фунтовых бомб из левого ящика легли ровнехонько вдоль полотна дороги – просто заглядение.

– Молодец, Костик, – сказал командир. – Теперь сфотографируй.

Еще один круг понадобился, чтобы заснять на пленочный автомат Потте перевернутые повозки и разбросанные тела.

– Тебе «цацку», а мне, пожалуй, что и «клюкву»! – кричал довольный летнаб, предвкушая награду.

«Цацкой» называли благодарность в приказе по армии, «клюквой» – красный аннинский темляк на пашку.

– А? – не расслышал командир.

Он смотрел уже не на землю, а на облака. Снизу они были похожи не на мыльную пену, а на присыпанный снегом кустарник. В этих кустах запросто могли рыскать волки.

Не в кустах, а в волнах. Не волки, а дельфины

У пары рекогносцировщиков «эльфауге» 6-й флигерроты (пилоты Шомберг и Лютце; наблюдатели барон фон Мак и Ремер) имелась особая манера патрулирования, специально для облачной погоды, разработанная Шомбергом, летчиком от бога.

Лейтенант Шомберг был из флотских офицеров, поэтому небо представлялось ему океаном, а облака напоминали пенные морские валы. «Эльфауге» то ныряли под них, то снова выпрыгивали над белокипеным слоем, будто два резвящихся дельфина. Так было меньше шансов упустить врага.

Охотиться на русские аэропланы придумал капитан фон Мак, которого высокое начальство отдало под присмотр опытного Шомберга. За глаза барона называли «Инфант» или «Принц-Шарман». Он был сыном командующего армией и в эскадрилье находился на особом положении. Офицерам это, конечно, не нравилось, но капитану многое прощали за то, что он был сорвиголова и беззаветно любил небо.

Во все времена на земле рождались люди, которым жизнь представляется сплошной чередой спортивных состязаний – даже в эпохи, когда слова «спорт» не было и в помине. К этой бесшабашной породе принадлежал и Карл-Гебхардт фон Мак. Все детство и юность он провел в седле, прыгая через ямы и барьеры. Не раз ломал руки-ноги, но шею не свернул. К двадцати годам он считался одним из первых наездников Рейха, готовился взять золотую медаль на Стокгольмской олимпиаде 1912 года, но отец сказал, что наследнику рода фон Маков принимать участие в этом плебейском балагане неприлично и что настоящей олимпиадой для гвардейского офицера будет надвигающаяся война. С отцом не поспоришь.

Молодой барон стал с нетерпением ждать обещанной войны, совершенствуясь в рубке лозы и скачках по пересеченной местности. Однако, когда долгожданный гром наконец грянул, Карл-Гебхардт сразу понял, что в современной войне кавалерия стала *demode*,¹ ее время закончилось, а самые увлекательные скачки теперь будут происходить в воздухе. Он закончил месячные курсы наблюдателей и уже в октябре летал над полями Пикардии и Шампани.

Очень быстро выяснилось, что аэропланы пригодны не только для разведки, но и для невиданной забавы – воздушного боя. Вооружения на самолетах не существовало, но это лишь делало поединки еще более интересными.

Самый бесхитростный способ сбить противника состоял в том, чтобы оказаться прямо над ним и кинуть сверху гирию или метнуть дротик.

Искусный пилот умел пролететь перед носом врага так, чтобы перевернуть ему машину взвихрением воздуха.

Если бой происходил над своей территорией, можно было французу «сесть на голову» и загнать вниз, под огонь пехоты, либо даже принудить к посадке. На чужой земле следовало, наоборот, гнать лягушатника на самую верхотуру, чтоб у него замерз двигатель.

Один американец, бывший ковбой, воевавший за Антанту добровольцем, умел накинуть лассо на пропеллер и оторвать лопасть.

В общем, каждый – что летун, что летнаб – исхитрялись как могли.

Придумал свою методику и фон Мак – не слишком оригинальную, но очень эффективную. О ней речь впереди. Беда в том, что применять методику на Западном фронте удавалось нечасто. Там барон был обычным офицером, обязанным подчиняться строгой дисциплине и выполнять скучные рутинные задания. В конце концов Карл-Гебхардт пожаловался отцу, воевавшему на Востоке, что «наследнику рода фон Маков» зазорно служить фотографом в ателье, хоть бы и воздушном.

¹ Вышедшей из моды (*фр.*).

Генерал забрал сына к себе и предоставил ему полную свободу, зная по собственному опыту, что молодая кровь должна добродить, а горячий нрав перебеситься.

Никто теперь не понуждал Карла-Гебхардта к поденщине, но на Русском фронте возникла другая проблема: враг в воздухе встречался редко. Приходилось пробавляться бомбежкой.

В этот апрельский день барон совсем загонял своих товарищей: пара «эльфауге» прочесывала фронт зигзагом сначала с юга на север, потом с севера на юг. Ныряли под облака, выскакивали под солнце, снова ныряли. Топлива в баках оставалось на четверть часа свободного поиска, а потом придется возвращаться на аэродром.

Но всем своим существом капитан чувствовал: *сегодня что-то будет*, он не вернется с охоты без добычи. Без конца высовывался из кабины то слева, то справа, все глаза просматривал.

Эти малопольские края он знал неплохо. До войны гостил в имении у родственников, русских фон Маков, охотился в здешних лесах на косуль. Странная штука – военная служба. Присяга может заставить человека стрелять в собственного кузена только потому, что на нем мундир другого цвета. Слава богу, русские фон Маки по традиции служили в гвардейских уланах и встретиться Карлу-Гебхардту в воздухе никак не могли. На всякий случай он никогда не бомбил кавалеристов с пиками – если, конечно, не было с определенностью видно, что это казаки.

Вдруг лейтенант Шомберг ткнул кожаной перчаткой куда-то вбок и вниз.

Меж облаков выглянуло солнце, осветлив на земле широкий круг. По нежно-зеленому фону скользила крестообразная тень.

«Ньюпор»! Русский «ньюпор»!

Капитан издал клекочущий орлиный крик.

Схватка в воздухе

В самом начале всеевропейской войны у летчиков враждующих сторон еще сохранялось ощущение принадлежности к единому братству. Даже сходясь в поединке, они соблюдали нечто вроде правил рыцарского турнира: не нападали двое на одного, в перерывах между заходами на атаку обменивались приветствиями, а если у противника глох двигатель, прекращали бой. Но эти джентльменские глупости быстро закончились. Грязное и жестокое дело – война. Прекраснодушные чистюли на ней погибают первыми. Те же, кто хочет выжить и победить, вынуждены соблюдать вечные правила драки: когда ты слабее – уклоняться от боя, когда сильнее – использовать свое преимущество сполна.

У пары рекогносцировщиков лейтенанта Шомберга преимущество было даже не двойное, а, можно сказать, трехмерное. Во-первых, по численности; во-вторых, по неожиданности; в-третьих, по высоте. Шансов спастись у русского не имелось. Ни одного. Охота обещала быть недолгой, а добыча легкой.

Карл-Гебхардт испугался лишь одного: аэроплан Лютце и Ремера был ближе к «ньюпору» и мог свалить его с первой же попытки.

Лейтенант Лютце погнался свой «эльфауге», украшенный фигуркой черного дельфина, на перехват. У летнаба унтер-офицера Ремера для воздушного боя было свое собственное техническое изобретение – четырехлапный железный крюк на тросе. Ремер очень ловко кидал его с 15–20 метров. Если везло – срывал пропеллер или ломал мотор. Если не попадал или же просто обдирал обшивку, то бросал снова. Крюк обеспечил экипажу «черного дельфина» одну подтвержденную победу и две предположительных (это когда вражеский аэроплан упал на чужой территории и его обломки не сняты фотокамерой).

От первой атаки «ньюпор» спасся исключительно из-за непоседливости прапорщика Дубцева. После успешного бомбометания он никак не мог успокоиться, всё вертелся на сиденье. Вдруг ему вздумалось проверить, не осталось ли в левом ящике зацепившейся бомбы. Перегнулся, приподнял крышку. Все 25 ячеек были пусты. Но боковым зрением летнаб заметил сбоку, выше, приближающийся силуэт «эльфауге», а за ним, в паре сотен метров, второй.

– А-а-а-а! – заорал Дубцев. – Миша-а-а-а!

– Что?

Пилот обернулся, моментально всё понял и не растерялся – вжал педаль, рванул ручку крена крыльев.

«Ньюпор», чихая мотором, завалился вправо. «Эльфауге» теперь летел параллельным курсом, метрах в тридцати.

– Стреляй, стреляй! – кричал поручик, у него самого обе руки были заняты.

Летнаб стал палить из «браунинга». Но стрельба в воздухе из пистолета – дело неверное. Когда обе машины несутся со скоростью за сотню километров, рассекая встречный поток воздуха, да еще при боковом ветре, из легкого оружия попасть в цель почти невозможно. Смысл в пальбе был только один – не давать гансу приблизиться. Дубцев разглядел свисающий из открытой кабины «эльфауге» крюк и догадался, что это за штуковина.

Немец разочарованно задрал нос и ушел вверх, давая дорогу напарнику, на фюзеляже которого красовался синий дельфин.

Попробует зайти с другого бока, пока мы бодаемся со вторым, сообразил Дубцев и пообещал себе не упускать «черный дельфин» из виду.

Капитан фон Мак готовился к бою. Из хромового футляра, украшенного баронской коронеткой, он достал коллекционный охотничий «ланкастер» 12-го калибра. Любовно погладил

приклад, вставил два ребристых патрона для медвежьей охоты. Методика воздушного боя у Карла-Гебхардта была логичная и простая: по крупной дичи из крупного калибра.

Со ста метров барон взял «ньюпор» на мушку и плавно повел ствол за мишенью, как за летящей уткой.

Дах! Дах! – ударили один за другим оба ствола.

Щелкнули эжекторы, выплевывая гильзы. Через пять секунд ружье снова было заряжено.

Первая пуля перебила маслопровод, откуда мелкой каплей полетели мелкие брызги.

– Перетяни! Платком... – Крик пилота перешел в сдавленное мычание. Вторая пуля ударила Сомову в плечо.

Военлет на секунду потерял сознание. Аэроплан сразу зарыскал, завибрировал.

Из далекого далека поручика звали:

– Миша! Миша!

Он встряхнулся. Выпрямился. Стиснув зубы, стал управлять одной рукой.

Прохрипел:

– Замотай трубку!

Летнаб и сам видел, что масло вытекает. Заглохнет мотор – пиши пропало, до своих не дотянуть.

Едва подумал – и будто накаркал. Чертов «Гном» поперхнулся, икнул, затих. Лопасти пропеллера закрутились медленнее, еще медленнее. Встали.

Прапорщик заматывал маслопровод платком. Рядом с его головой в обшивке появились две здоровенные дырки. Немец сажал не то жаканами, не то разрывными. Но это черт с ним, главное, что двигатель снова ожил.

Сомов раскачивался из стороны в сторону, сознание у него наплывало и уплывало волнами. Но рука держала рычаг твердо, в голове стучала одна мысль: только бы перетянуть через линию фронта. *Землеходность* у «нюпор» отличная, сядет хоть на пашню.

Тем временем барон фон Мак успел зарядить «ланкастер» в третий раз. Расстояние до русского самолета было метров пятьдесят, чудесный Шомберг вел машину ровно на той же скорости, что летел «нюпор», – теперь стрелять было так же удобно, как по неподвижной цели.

Можно расколошматить башку пилоту – его круглый шлем так и просился на мушку. Но тогда игра в кошки-мышки слишком быстро закончится. Капитану хотелось растянуть удовольствие. Он прицелился в наблюдателя.

Дах!

Фигурка в кожаной куртке подпрыгнула и обвисла, как тряпичная кукла.

Бравый Шомберг обернулся, показал большой палец.

Не без опаски Карл-Гебхардт оглянулся на поотставший «эльфауге» – не вздумал бы соваться. Но «черный дельфин» покачал синему крыльями, давая понять, что всё видит и не собирается отбирать у товарищей верную победу.

Вдруг рядом с самолетом Лютце-Ремера в воздухе лопнул дымный шар, словно от разрыва снаряда. А между тем зенитной пушке противника здесь взяться было неоткуда! И все же через долю секунды донесся звучный хлопок ближнего выстрела.

Что за чертовщина?

Лейтенант Шомберг повернул голову, которая в гладком шлеме и огромных очках напоминала стрекозью. Его глаза недоверчиво расширились.

– Это еще что?!

Прямо под нижней кромкой облаков плыло какое-то чудище со стеклянной мордой, огромным размахом крыльев и – невероятно! – аж с четырьмя пропеллерами. Хотя монстр

был намного дальше «черного дельфина», по сравнению с этой слоновьей тушей «эльфауге» казался мелкой зверушкой.

Увидел махину и раненый поручик Сомов. Оглянулся, закричал:
– «Муромец»! Костик, мы спасены! Уррааа!
Летнаб не ответил.

Русский богатырь

Командир воздушного корабля «Илья Муромец» был заядлый курильщик, но всякое открытое пламя на борту строжайше воспрещалось, поэтому в углу рта у него торчала незажженная папираса. За полет он иногда сжевывал по полпачки своего любимого «Дюшеса». Поэтому в воздухе он говорил невнятно, шепелявя:

– Ефё раз из пуфечки.

В просторной, закрытой от ветра каюте орать не приходилось. Достаточно было слегка повысить голос, чтоб перекрыть ровный гуд моторов.

Лицо командира с глубоким шрамом на щеке (чудом остался жив на смотре в 1911-м, когда хрупкий «блерио» скапотировал) было, как всегда, бесстрастным. На груди посверкивал белой эмалью георгиевский крест.

– Ну ее к бесу, пушку. – Стрелок-артиллерист неодобрительно шлепнул трехдюймовку «гельвиг» по замку, словно нашкодившее дитя по заднице. – Грохоту много, а толку мало. Я лучше из пулемета.

Пушка на корабле была установлена недавно, в экспериментальном порядке. Она была особенная. При выстреле из главного ствола вылетал боевой снаряд, а из добавочного – пыж, гасивший откат. Надежд хитрая пушка, однако, не оправдывала: была неточно.

Другое дело – миляга «максим».

Артиллерист тронул закрученный ус, взялся за ручки, прицелился по отчаянно маневрировавшему «эльфауге».

Второй пилот, совсем еще мальчик, завистливо сглотнул. Ему тоже хотелось пострелять из пулемета, но на «Муромце» нарушение установленного порядка не приветствовалось. Каждый из четырех членов экипажа ведал чем-то одним. Командир вел машину, артиллерист стрелял, механик следил за работой двигателей и чинил неисправности, а у второго летчика работы почти не было: только подстраховывать главного пилота на случай ранения да помогать, когда нужно вдвоем навалиться на тяжелый руль высоты.

Самым пожилым был механик, ему шло к сорока. Пока в его хозяйстве все нормально крутилось, урчало и журчало, он дремал в кожаном кресле. Если бой – нервничал: выпускал из-под тужурки суконную ладанку на шнурке, начинал сопеть и пыхтеть, на некрасивом, жеваном лице появлялось выражение тревоги. Но при этом всё, что положено, исполнял на «ять». Командир его очень уважал и единственного во всем экипаже звал по имени-отчеству.

Стрелок нажал на гашетку. Матерно выругался.

– Скосил! Эх, коньяку бы глоточек. Руки прямо не свои!

– Я тебе дам «глотофек». Ты чефное летунфкое давал.

Вторая очередь оторвала от немца клоки ткани и деревянные щепки. После третьей «черный дельфин» кувыркнулся и, медленно вращаясь, стал падать вниз.

Оставшийся «эльфауге» со всей мочи удирал вглубь германской территории, прижимаясь к земле. Догнать его было в принципе возможно, однако инструкция строго-настрого запрещала воздушному кораблю за линией фронта спускаться ниже 1200 метров, чтоб не попасть под огонь пехоты и артиллерии. Не хватало еще, чтоб секретный аппарат попал в руки к немцам.

– Достанефь? – спросил пилот артиллериста.

Тот презрительно фыркнул – обижаете, господин штабс-капитан.

Высадил вслед «синему дельфину» всю кассету, до последнего патрона. Пули легли как надо, изрешетили ганса вдоль и поперек. Но пилот на «эльфауге» был дьявольски хорош. На изодранных крыльях, с вытекающим бензином всё тянул и тянул, не падал.

Поручик-артиллерист с досады плюнул – символически, без слюны. Свинячить на «Муромце» не позволялось.

– Радуйся, вша тевтонская!

Но лейтенант Шомберг не радовался. Он плакал – точно так же, как в эту минуту плакал поручик Сомов, везя домой своего мертвого товарища.

Только Шомберг еще бился затылком о спинку сиденья и бормотал: «Боже, боже... Что я скажу генералу...»

В ставке кайзера

В ставке императора Вильгельма шло важнейшее совещание. Уточнялись детали операции, которая должна была положить конец затянувшейся войне. Молниеносной победы на Западе не получилось. В августе, когда Париж был уже в пределах досягаемости, пришлось срочно перекидывать корпуса в Восточную Пруссию, чтоб отогнать прочь от родных земель русскую орду. Французы успели опомниться, англичане – мобилизоваться, и создалась ситуация, которой стратеги Генерального штаба опасались больше всего: долгая позиционная война на два фронта.

План грядущей кампании был таков: оставить на Западе минимальный заслон (союзникам после прошлогодних потерь не до наступлений), а всей наличной силой ударить на Восток, чтобы одним мощным пинком вывести Россию из игры. Пускай там, как во время японской катастрофы, военное поражение обернется хаосом, брожением и смутой. В 1905 году, оказавшись перед угрозой революции, царь быстро утратил боевой пыл и запросил мира. То же самое произойдет теперь, десять лет спустя. Германский и австрийский орлы повыдерут российскому пернатому пух и перья.

После утренней сессии, на которой обсуждались главные стратегические вопросы: направление ключевого удара, график переброски войск и согласование действий с австрийцами, его величество удалился в свои покои для небольшого отдыха.

Император устал. Ему было 56 лет. Не такая уж и старость, но покойный отец говаривал, что год правления следует засчитывать за два. По этой хронологии за 27 лет пребывания на троне кайзер уже превратился в глубокого старца. Сколько трудов, забот, потерь, разочарований. Сколько ночных страхов и бескрайнего одиночества, знакомого лишь монархам, которые тащат на своих плечах груз целой империи...

На всем белом свете был только один человек, который мог это понять, – кузен Ники. Но жестокая логика истории сделала их врагами. А ведь они не хотели этой войны! По обе стороны границы уже шла мобилизация, генералы алчно расчерчивали карты, офицеры прикидывали, как будут смотреться на их мундирах железные кресты и «георгии», а царственные кузены все обменивались отчаянными телеграммами на английском – языке своего детства:

*«...Чтобы избежать ужасного несчастья в виде европейской войны, умоляю тебя во имя нашей старой дружбы сделать все, что в твоих силах, дабы удержать твоего союзника от крайностей.
Ники».*

*«...Искренне верю, что ты поможешь мне урегулировать возможные осложнения. Твой очень искренний и преданный друг и кузен.
Вилли».*

*«...Верю в твою мудрость и дружбу.
Твой любящий Ники».*

*«Моя дружба к тебе и твоей империи, завещанная мне дедом на его смертном одре, всегда была для меня священной, и я всегда поддерживал Россию в трудную минуту, особенно во время ее последней войны.
Вилли».*

Два самых могущественных монарха планеты – один полностью самодержавный, другой конституционный лишь по видимости – сделали всё, чтобы избежать столкновения. Но мини-

стры, стратеги, промышленники вкупе с так называемой общественной элитой волокли упирающихся императоров на бой, и ничего поделать с этим было нельзя. Вильгельм слишком хорошо усвоил главную заповедь правителя: подданные будут повиноваться, только если ты приказываешь то, что они и так бы охотно сделали.

Разведка потом донесла, что мягкохарактерному Ники пришлось еще хуже. Когда он попросил своего военного министра приостановить мобилизацию, грубиян ответил: «Мобилизация – не коляска, которую можно приостановить, а потом снова двинуть вперед». Стал царь звонить начальнику своего Генштаба – там ответили, что телефон неисправен.

И свершилось то, что должно было свершиться.

Жаль бедного Ники. Его немые армии обречены, его рыхлая держава вот-вот рассыплется. Что ж, на все воля Господа...

Отдав дань сентиментальности, император вернулся в кабинет, всем своим видом олицетворяя уверенность и несокрушимость гогенцоллерновского Рейха: знаменитые усы торчат слоновьими бивнями, грудь в корсете выпячена вперед, сухая и короткая левая рука, последствие родовой травмы, небрежно лежит на эфесе.

Из лиц, присутствовавших на первой половине исторического заседания, остались лишь начальник Генштаба, военный министр и командующий ударной 11-й армией барон фон Мак. На повестке дня оставались вопросы профильные, все сплошь чрезвычайной важности, но требовавшие отдельных сессий со специалистами.

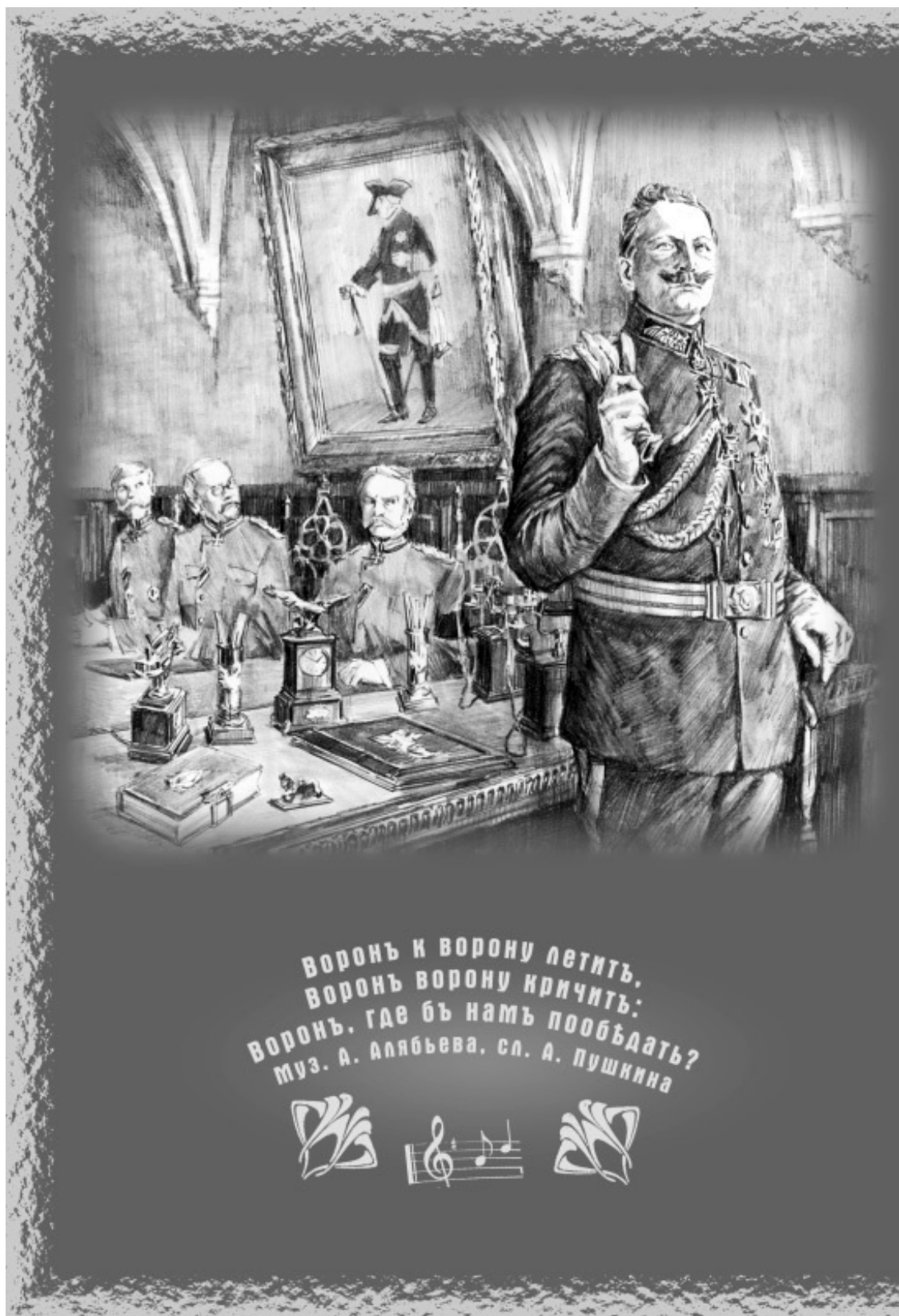
Первыми в кабинет вызвали руководителя разведки и его помощника. Вид у обоих был встревоженный – все детали предстоящей операции обсуждались с разведкой еще на самом начальном этапе, и сегодняшний вызов мог объясняться только какими-то экстренными причинами.

– Прошу садиться, господа.

Генералы сели, но, увидев, что Вильгельм остался стоять, снова поднялись. Он жестом показал: сидите, сидите. В величавой задумчивости прошелся по кабинету. Встал перед картой, на которой жирная красная стрела рассекала фронт, вонзаясь в круглое подбрюшье русской Польши. Если начальник Генштаба начнет ставить перед разведкой задачи, это будет нудный бубнеж минут на сорок. Император же был мастером красноречия лаконичной римской школы. Ну-ка, за две минуты, мысленно подзадорил он себя. Уложите, ваше величество? Искоса взглянул на часы и начал:

– Исторический момент определен. 2 мая армия генерала фон Мака, в которой собраны наши лучшие войска, включая Гвардейский корпус, прорвет фронт вот здесь, на участке Горлица – Громник. Численное преимущество в живой силе у нас относительно небольшое, всего двукратное, зато по количеству оружейных стволов мы превосходим противника вшестеро, а по тяжелой артиллерии в 40 раз. С этой точки мы начнем сворачивать весь русский фронт, словно ковер. Через месяц, самое позднее – к концу лета, царь запросит мира. Без поддержки российского медведя галльский петух превратится в мокрую курицу, а британский лев в дрожащую собаку. Наступление барона фон Мака может решить судьбу всей войны. *Может*, – с нажимом повторил Вильгельм. – При одном условии. *Если удар будет внезапным*. Мы все знаем о несчастье, постигшем нашего дорогого друга. – Его величество скорбно покивал командующему 11-й армией, сухому старику с траурной повязкой на рукаве. – И высоко ценим истинно спартанское мужество, которое в этот тяжелый миг не позволило безутешному отцу забыть о своем долге. Даже потеряв единственного сына, барон думает не о своем горе, а об успехе наступления. Прошу вас, друг мой.

Кайзер сел, вновь поглядев на часы. Ровно две минуты, секунда в секунду.

Воронъ к ворону летить,
Воронъ ворону кричить:
Воронъ, где бь намъ пообѣдать?
муз. А. Алябьева, сл. А. Пушкина

Генерал-полковник фон Мак тоже был не из болтливых. Он заговорил скрипучим голосом, словно диктовал телеграмму:

– Скрытность подготовки наступления гарантировалась двумя факторами. Первое: слабость русской агентурной разведки. Второе: наше господство в воздухе, затрудняющее противнику глубокую авиаразведку.

Оба руководителя Разведуправления согласно наклонили головы – фон Мак очень точно суммировал выводы, изложенные в их прошлomesячной аналитической сводке.

– Положение переменялось, – бесстрастно продолжил барон все такими же рублеными фразами. – Господства в воздухе больше нет. У русских появился тяжелый многомоторный самолет, против которого бессильна легкая авиация. Наши пилоты прозвали эту машину «Летающий слон». Именно он... – Фон Мак проглотил комок в горле. – Именно «Летающий слон» убил моего мальчика...

Все присутствующие опустили глаза, чтобы дать генералу возможность справиться с приступом горя.

Он справился. Речь барона сделалась еще суше:

– Пока у русских на фронте всего один «Летающий слон». Но к сожалению, именно на моем участке. Дальность его полетов очень велика. Высота недоступна – до 4000 метров. Урон от бомб, которые сбрасывает этот гигант, сопоставим с обстрелом тяжелой артиллерии. Чистая случайность, что «Летающий слон» еще не обнаружил скопление эшелонов в моих тылах. Если у русских окажется не один такой аэроплан, а несколько, секретность операции неизбежно будет нарушена. И тогда наступление провалится... У меня всё, ваше величество.

И фон Мак, живое воплощение долга, умолк.

Вильгельм поневоле залюбовался железным генералом. Вспомнил, как Бисмарк, наставник молодого кайзера, говорил: «Пока у вас есть созданный мной офицерский корпус, вашему величеству не страшен никакой враг». С тех пор много воды утекло...

– Кто бы мог подумать, что от каких-то летающих этажерок может зависеть судьба кампании, – сказал император вслух. – Еще пять лет назад над ними все потешались.

Военачальники, большинство из которых были старше кайзера, завздыхали.

– Итак, известно ли моей разведке что-либо о «Летающем слоне»? – спросил Вильгельм начальника управления тоном, не предвещавшим ничего хорошего.

– Русские называют эту машину «PiJa Murometz». – Главный разведчик Рейха тронул пышные усы, точь-в-точь такие же, как у кайзера.

– Что это значит?

– Это такой фольклорный герой, ваше величество. Вроде нашего Зигфрида, только очень массивного телосложения. До 33-летнего возраста он сидел сиднем, то есть совсем ничего не делал, но потом встал с лавки и совершил много разнообразных подвигов.

– Ну разумеется, – задумчиво произнес Вильгельм, снова вспомнив своего старого учителя, говорившего, что русские медленно запрягают, да быстро едут. – И много у моего дорогого кузена таких слонов?

– Десять почти готовы, ваше величество. Ждут сборки. Могут появиться на фронте еще до конца апреля.

– Но это совершенно недопустимо! Вы обязаны что-то сделать! Немедленно! – воскликнул барон фон Мак, допустив вопиющее нарушение этикета. Впрочем, скорбящему отцу и командующему ударной армией это было извинительно.

– Немедленно, – повторил кайзер, насупленно глядя на усатого разведчика.

Тот, однако, смотрел не на своего монарха, а на помощника. Между двумя генералами, мастерами закулисной войны, происходил некий безмолвный диалог.

Помощник поправил монокль в глазнице, вполголоса произнес:

– Теофельс?

Начальник просветлел:

– Ну разумеется! – Он обернулся к императору. – Есть один человек. Сейчас находится в России. Очень способный разведчик и к тому же отличный знаток авиации.

– Капитан фон Теофельс? Превосходный офицер. – Как подобает сыну и внуку венценосцев, Вильгельм обладал особенной, с детства натренированной памятью, которая цепко хранила тысячи имен и лиц. – Растолкуйте ему неотложность задания и всю меру ответственности.

Капитану фон Теофельсу снился сон...

Йозеф фон Теофельс, человек с сотней разных имен, больше всего любил, когда его звали просто «Зепп» – потому что так к нему обращались очень немногие. В жизни гауптмана бывали периоды, когда он настолько врал в чужую кожу, что вообще забывал о своем настоящем «я». Оно залегало в спячку, будто медведь в берлогу, и давало себя знать только по ночам, когда мозг Зеппа переходил в режим менее интенсивной работы. Именно так – полностью мыслительный аппарат фон Теофельса не отключался даже во сне.

Из книг, из рассказов других людей Зепп знал, что спящему человеку свойственно видеть какие-то химеры – нечто абсолютно бесполезное, иррациональное, иногда вовсе не связанное с реальной жизнью. Но с самим Теофельсом ничего подобного никогда не случалось. Эта патология, очевидно, объяснялась особенной дисциплинированностью разума, неспособного к полному расслаблению. Капитан видел сны, и очень часто, однако они были и полезны, и рациональны. Доктору Фрейду в них анализировать было бы нечего.

Даже находясь в пресловутых объятиях Морфея, гауптман продолжал искать ответ на вопрос, занимавший его днем. Между прочим, иногда находил и просыпался с уже готовым решением.

Другой разновидностью доступного Теофельсу сновидения были картинки из прошлого – но не произвольные, а тоже непременно сопряженные с нынешним кругом забот.

Именно такого рода сон капитан наблюдал или, лучше сказать, *просматривал* сейчас.

Виденье было в высшей степени приятным, даже эротичным. Будто сидит Зепп в открытой кабине «альбатроса» и парит на высоте 2500 метров с выключенным двигателем. Он совсем один во вселенной, между Землей и Космосом, совершенно свободный и счастливый.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.